

ВИКТОР БУРЛАЧУК,

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, теории и методологии социологии Института социологии НАН Украины

Остров Сахалин и социологические этюды писателя Антона Павловича Чехова

К 150-летию со дня рождения

Я не знаю ни одного профессора социологии в истории этой науки, который бы, собрав скромные пожитки (“полушубок, офицерское непромокаемое пальто из кожи, большие сапоги и большой ножик”), уехал, рискуя жизнью, на край света и там бы провел полевое исследование, лично опросив около 10 000 человек.

В конце XIX века, а точнее, в 1890 году, тогда уже известный русский писатель А.Чехов, автор “Степи”, “Скучной истории”, лауреат Пушкинской премии зачем-то отправился на остров Сахалин, восточный край Российской империи.

Цель поездки

Как отмечают авторы комментариев к академическому изданию сочинений А.Чехова: “Замысел поездки на Сахалин не поддается точной датировке и однозначному объяснению”¹. Конечно, можно возразить комментаторам и предложить различные объяснения этой поездки: воссоздать правдивую, основанную на фактах, картину русской каторги, пробудить внимание общества к месту “невыносимых страданий”, показать обреченность человека на физическую и нравственную гибель в условиях произвола и деспотизма властей и др. Все вместе и каждый в отдельности эти мотивы являются правильными, однако не дают однозначного ответа о цели поездки. Отсутствие однозначного объяснения предполагает, что мы имеем дело с

¹ Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти т. — М., 1974–1983. — Т. 14. — С. 742. — Далее при ссылках на это издание в тексте указываются номер тома и страница. Письма обозначаются буквой П.

событием, которое, в отличие от рядового явления в жизни человека, нельзя вписать в причинно-следственную схему. Событие приходит из другого мира, в котором действуют не причинно-следственные связи, а смыслы. Можно прожить всю жизнь и так и не встретиться с событием. Событие вбирает в себя все сознательные и бессознательные мотивы и придает особые неповторимые черты человеку или явлению. Поездка на Сахалин и была таким событием в жизни Чехова, которое определило и предыдущую, и последующую его жизнь.

Многие из окружения писателя с недоумением восприняли известие о далекой и опасной поездке. Защищаясь, Чехов был вынужден писать своему другу А.С.Суворину: “Например, Вы пишете, что Сахалин никому не нужен и ни для кого не интересен. Будто бы это верно? Сахалин может быть ненужным и неинтересным только для того общества, которое не ссылает на него тысячи людей и не тратит на него миллионов. После Австралии в прошлом и Кайены Сахалин — это единственное место, где можно изучать колонизацию из преступников; им заинтересовалась вся Европа, а нам он не нужен? (...) Сахалин — это место невыносимых страданий, на какие только бывает способен человек вольный и подневольный. (...) Жалею, что я не сентиментален, а то я сказал бы, что в места, подобные Сахалину, мы должны ездить на поклонение, как турки ездят в Мекку... Из книг, которые я прочел и читаю, видно, что мы сгноили в тюрьмах *миллионы* людей, сгноили зря, без рассуждения, варварски; мы гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч верст, заражали сифилисом, развращали. Размножили преступников и все это сваливали на тюремных красноносых смотрителей. Теперь вся образованная Европа знает, что виноваты не смотрители, а все мы, но нам до этого дела нет, это неинтересно. (...) В наше время для больных делается кое-что, для заключенных же ничего; тюремоведение совершенно не интересует наших юристов” (П 4, 32–33). Общественное мнение никогда не проявляло большего интереса к положению заключенных в тюрьмах или колониях, навивно полагая, что это узкая социальная проблема, касающаяся небольшого количества людей. Невнимание общества к вопросам тюрьмы и заключения обернулось гигантской социальной трагедией, когда в середине XX века в местах лишения свободы оказались десятки миллионов людей. Социология радикальным поворотом к анализу исправительных учреждений обязана научной и политической деятельности М.Фуко, который не только написал блестящую работу “Надзирать и наказывать” (1975), посвященную дисциплинарным механизмам власти, но и организовал “Группу информации о тюрьмах”, призванную информировать общественность о положении заключенных в тюрьмах.

Непонимание окружающих

Поездка вызвала различные толки в литературной среде. Многие литераторы считали, что Чехов “изменяет” художественной литературе, что “беллетристика с этим путешествием ничего общего не имеет”. Другие видели смысл сахалинской поездки в поиске и собирании новых тем, сюжетов, которые уже иссякли у Чехова. Даже сочувствующие Чехову писатели не понимали необычности и опасности предпринятого Чеховым путешествия, что, вероятно, объяснялось полным незнанием реальных условий катор-

жной жизни. Один из чеховских корреспондентов в таких словах описывал возможные результаты поездки: “Сколько впечатлений, встреч, нервной жизни, счастливых моментов, скуки и неприятностей! Для творческой натуры художника, как Ваша, это чудесный водоворот, который освежит, наполнит, даст чудотворный толчок для дивного творческого создания. (...) Я верю, что Вы вывезете из поездки пропасть прелестных замыслов, идей, образов. Сразу получить это богатство! (...) Вам можно лишь позавидовать” (14, 744). В этих свидетельствах современников, даже благосклонно расположенных к прозаику, поражает внутренняя слепота. Достаточно обратить внимание на лексический состав этого послания: “счастливые моменты”, “чудесный водоворот”, “чудотворный толчок”, “пропасть прелестных замыслов”, “можно лишь позавидовать”, как будто писатель отправляется не на каторгу, а в круиз по матушке Волге. В действительности “прелестные замыслы” обернулись сухо рассказанной Чеховым историей о том, как “беглые каторжники напали на аинское селение и, по-видимому, только ради сильных ощущений занялись истязанием мужчин и женщин, последних изнасиловали, — и в заключение повесили детей на перекладах” (14, 328), а “счастливым моментом” стала, вероятно, история о надзирателе Демидове, “который чтобы раскрыть все подробности одного преступления, пытал через палача жену убийцы, которая была женщина свободная, пришедшая в Сибирь с мужем добровольно и, следовательно, избавленная от телесного наказания; потом он пытал 11-летнюю дочь убийцы; девочку держали на воздухе, и палач сек ее розгами с головы до пят; ребенку даже было дано несколько ударов плетью, и когда она попросила пить, ей подали соленого омуля. Плетей дано было бы и больше, если бы сам палач не отказался продолжать бить” (14, 338).

Опасность путешествия

Чехов прекрасно сознавал трудность и опасность задуманного им путешествия. В письме Р.Р.Голике он пишет: “Прощай и не поминай лихом. Увидимся в декабре, а может быть, и никогда уж больше не увидимся” (П 4, 51). В письме к А.С.Суворину: “У меня такое чувство, как будто я собираюсь на войну (...) В случае утонутья или чего-нибудь вроде, имейте в виду, что все, что я имею и могу иметь в будущем, принадлежит сестре” (П 4, 62). Или в письме к В.М.Лаврову: “...Я надолго уезжаю из России, быть может, никогда уже не вернусь” (П 4, 56).

Путешествие

Само путешествие на остров Сахалин заслуживает особого внимания как ввиду трудностей, с которыми столкнулся писатель, так и ввиду его ироничного, насмешливого отношения к ним. Если до Тюмени Чехов добрался без особых приключений, то уже оттуда началось его “конно-лошадиное странствие” на вольных и почтовых по “убийственным” сибирским дорогам. “Еду я по сибирскому тракту на вольных. Проехал уже 715 верст. Обратился в великомученика с головы до пяток. (...) Надо заметить, что в Сибири весны еще нет: земля бурая, деревья голые, и, куда ни взглянешь, всюду белеют полосы снега; день и ночь еду я в полушубке и валенках. (...) Проехал я не боль-

ше пяти верст, как увидел луговой берег Иртыша, весь покрытый большими озерами; дорога спряталась под водой, и мостки по дороге в самом деле или снесены, или раскисли. (...) Начинаем ехать по озерам... Боже мой, никогда в жизни не испытывал ничего подобного! Резкий ветер, холод, отвратительный дождь, а ты изволь вылезать из тарантаса (не крытого) и держать лошадей: на каждом мостике можно проводить лошадей только по одиночке... (...) Но меня все-таки чуть было не убили. Представьте себе ночь перед рассветом... Я еду на тарантасике и думаю, думаю... Вдруг вижу, навстречу во весь дух несется почтовая тройка; мой возница едва успевает свернуть вправо, тройка мчится мимо, и я усматриваю в ней обратного ямщика... Вслед за ней несется другая тройка, тоже во весь дух; свернули мы вправо, она сворачивает влево; “сталкиваемся!” — мелькает у меня в голове... Одно мгновение и — раздается треск, лошади мешаются в черную массу, мой тарантас становится на дыбы, и я валюсь на землю, а на меня все мои чемоданы и узлы... Вскатываю и вижу — несется третья тройка...

Должно быть, накануне за меня молилась мать. Если бы я спал или если бы третья тройка ехала тотчас же за второй, то я был бы изломан насмерть или изувечен” (П 4, 75–77).

Завершает перечень мытарств, испытанных писателем, переправа через реку Томь, когда писатель, избежавший смерти под копытами лошади, мог утонуть. “Сначала наша лодка плыла по лугу около кустов тальника... Как бывает перед грозой или во время грозы, вдруг по воде пронесся сильный ветер, поднявший валы. Гребец, сидевший у руля, посоветовал переждать непогоду в кустах тальника; на это ему ответили, что если непогода станет сильнее, то в тальнике просидишь до ночи и все равно утонешь. Стали решать *большинством голосов* и решили плыть дальше. Нехорошее, насмешливое мое счастье! Ну, к чему эти шутки? Плыли мы молча, сосредоточенно... Помню фигуру почтальона, выдавшего виды... Помню солдатика, который вдруг стал багров, как вишневый сок... Я думал: если лодка опрокинется, то сброшу полушубок и кожаное пальто... потом валенки... потом и т.д. ... Но вот берег все ближе, ближе... На душе все легче, легче, сердце сжимается от радости, глубоко вздыхаешь почему-то, точно отдохнул вдруг, и прыгаешь на мокрый скользкий берег... Слава Богу!” (П 4, 89).

Исследование

Достигнув цели своей поездки, Чехов столкнулся с основной проблемой: с чего начать изучение жизни обитателей острова. Разумеется, отправляясь на Сахалин, он основательно подготовился к поездке: им была прочитана практически вся литература, касающаяся истории острова, его географии, ресурсов, климата, населяющих его народов, а также юридические документы по организации ссылки и каторги на Сахалине. Но это были сведения, полученные из вторых рук, не всегда добросовестные, а иногда и лукавые. Как отмечал Чехов в письме к брату: статьи о Сахалине писались или “людьми, никогда не бывавшими на Сахалине и ничего не смыслящими в деле, или же людьми заинтересованными, которые на сахалинском вопросе и капитал нажили, и невинность соблюли” (П 4, 25). В любом случае — это было книжное знание, не опосредованное личным опытом и переживанием.

Любой другой писатель, очутившийся на месте Чехова, поступил бы вероятно, следующим образом: выбрал бы ключевые, наиболее типические фигуры для данного сообщества, например, чиновник, надзиратель, каторжник, ссыльный переселенец, взял бы у них интервью, съездил бы на охоту и рыбалку, а, приехав в Москву, написал бы небольшой очерк для “Русской мысли”.

Чехов ставит перед собой титаническую задачу: он решает провести перепись всего населения острова. На то время это, вероятно, было единственное средство получить точные данные о жизни острова и его обитателях. “Чтобы побывать по возможности во всех населенных местах и познакомиться поближе с жизнью большинства ссыльных, я прибегнул к приему, который в моем положении казался мне единственным. Я сделал перепись” (14, 66). Для этого он составляет анкету, в которую включает тринадцать пунктов:

Селеніе *Н. Куртис*
Дворъ № *21*
Званіе *крестьянин* *рус*
Имя, отчество, фамилія, отношенія къ хозяину:
Меня Степанов
Лухинин *Харин*
Лѣта *40*
Вѣроисповѣданіе *правосл*
Гдѣ родился *Вологодск*
Съ какого года на Сахалинѣ *1881*
Главное занятіе *купец*
Грамотенъ, неграмотенъ, образованъ
Женатъ на родинѣ, на Сахалинѣ, вдовъ, холостъ.
Получаетъ ли пособіе отъ казны? Да, нѣтъ.
Чѣмъ болѣнъ.

Одна из 10 000 карточек переписи ссыльнокаторжных, проведенной Чеховым на Сахалине.

Однако сама по себе перепись не представлялась Чехову универсальным средством, открывающим доступ к особенностям жизни ссыльных и переселенцев. Для него скорее были важны те непосредственные впечатления, которые он мог получить, беседуя с людьми во время интервью. “Чтобы облегчить мой труд и сократить время, мне любезно предлагали помощников, но так как, делая перепись, я имел главной целью не результаты ее, а те впечатления, которые дает самый процесс переписи, то я пользовался чужою помощью только в очень редких случаях” (14, 66). В написанных Чеховым вопросах следует обратить внимание на третий вопрос, вопрос, касающийся звания опрашиваемого. У Чехова вопрос о звании предшествует вопросу об имени. Чехов жил в сословном обществе, и звание индивида было более мощным средством социальной идентификации, чем имя или профессия. Вопрос о звании в условиях Сахалина предполагал такие возможные ответы: “каторжный”, “поселенец”, “крестьянин из ссыльных”, “свободного состояния”. При ответе на этот вопрос, отмечает Чехов, со стороны респондентов-каторжан наблюдалось стремление всячески избежать идентификации со своим реальным положением. “Званию в сахалинском обиходе придается большое значение. Каторжного, несомненно, стесняет его звание; на вопрос, какого он звания, он отвечает: “рабочий”. Если же до каторги он был солдатом, то непременно добавляет еще к этому: “из солдат, ваше высокоблагородие”. Отбыв или, как он сам выражается, отслужив свой срок, он становится поселенцем. Это новое звание не считается низким уже потому, что слово “поселенец” мало чем отличается от поселянина, не говоря уже о правах, какие сопряжены с этим званием. На вопрос, кто он, поселенец, обыкновенно отвечает так: “вольный”. Через десять, а при благоприятных условиях, оговоренных в уставе о ссыльных, через шесть лет поселенец получает звание крестьянина из ссыльных. На вопрос, какого он звания, крестьянин отвечает не без достоинства, как будто уж не может идти в счет с прочими и отличается от них чем-то особенным: “Я из крестьян”. Но без прибавки “из ссыльных”. Я не спрашивал ссыльных о прежнем их звании, так как по этому пункту в канцеляриях имеется достаточно сведений. Сами они, кроме солдат, ни мещане, ни купцы, ни духовные, не распространяются насчет своего звания, как будто оно уже забыто, а называют свое прежнее состояние коротко — волей. Если кто заводит разговор о своем прошлом, то обыкновенно начинает так: “Когда я жил на воле...” и т.д.” (14, 68).

В чеховских размышлениях по поводу статуса каторжных угадывается фундаментальная социологическая проблема, связанная с различными формами социальной идентификации. Отвечая на вопрос анкеты о звании, индивид, вольно-невольно, ставил перед собой вопрос: “Кто я?” Признать себя каторжным значит признать некое “временное”, “несущественное”, “неправильное”, “позорное” состояние в качестве основного, определяющего его личность.

Интересно также, что о своем прежнем звании упоминают не мещане, не купцы, не духовные, а только солдаты. Хотя звание солдата, как и звание каторжного, в отличие от принадлежности к мещанскому или купеческому сословию, скорее является временным, чем постоянным. Вероятно, в идентификации себя с сословием солдат как с чем-то постоянным заключается связь этого сословия с идеями служения, героизма, самопожертвования, находящими высокую оценку в общественном сознании.

Заслуживает внимания также пятая строка анкеты, в которой странным образом объединены два вопроса “имя, отчество, фамилия” и “отношение к хозяину”.

Под хозяином Чехов понимал поселенца, имеющего свой дом, наделенного землей, ведущего самостоятельную хозяйственную деятельность и не получающего дотаций от государства. Хозяевами, как правило, становились бывшие каторжники, не имеющие права возвращаться на родину. Хозяин был главной фигурой колониальной политики царизма на Дальнем Востоке. Предполагалось, что каторжник, отбывший наказание и получивший в собственность орудия труда, землю, построивший себе дом, выступит в качестве базовой единицы, способной создать новое сообщество граждан-колонистов на периферии Российской империи. Поэтому Чехов при описании того или иного селения на Сахалине прежде всего отмечает, сколько в нем хозяев, сколько лиц женского пола. Например: “В Корсаковке жителей 272: 153 м. и 119 ж. Всех хозяев 58” или “в Дуэ жителей 291: 167 м. и 124 ж. хозяев 46”.

Чиновничья утопия относительно колонизации Сахалина заключалась в том, что каторга рассматривалась в качестве некоего инкубатора граждан-поселенцев. Предполагалось, что, отбыв каторгу, сосланные превращаются в активных колонистов, занимающихся сельскохозяйственным трудом, обеспечивающим процветание края.

Исследуя остров Сахалин, Чехов решает социологическую проблему, как возможно общество в условиях каторги и постоянной колонизации. Прежде всего он исследует климатические, географические условия, делающие возможным или невозможным физическое пребывание человека в данном регионе и, в свою очередь, связанные с экономикой края. Затем он переходит к выяснению культурных условий, образующих ядро социальной жизни. Общество для Чехова возможно как связь поколений, как определенная форма преемственности, как традиция. Поэтому роковым вопросом сахалинской колонизации являлся вопрос о судьбе первых поселенцев, которые пришли на Сахалин в 1860-х и 1870-х годах, остались ли они или в большинстве своем покинули остров. Особенности социальных связей и отношений Чехов умеет видеть во всем, в том, как обустроено жилище, как отвечают на вопросы поселенцы, как работает система землепользования. В чеховском описании типичной избы колониста — не только изображение предметов обстановки, но одновременно и глубокая социальная аналитика. “По обстановке это не изба, не комната, а скорее камера одиночного заключения. Где есть женщины и дети, там, как бы то ни было, похоже на хозяйство и на крестьянство, но все же и там чувствуется отсутствие чего-то важного; нет деда и бабки, нет старых образов и деревенской мебели, стало быть, хозяйству не достает прошлого, традиций. Нет красного угла, или он очень беден и тускл, без лампы и без украшений, — нет обычаев; обстановка носит случайный характер, и похоже, как будто семья живет не у себя дома, а на квартире, или будто она только что приехала и еще не успела освоиться; нет кошки, по зимним вечерам не бывает слышно сверчка... а главное, нет родины” (14, 73).

Чехов демонстрирует виртуозную способность различать калькулируемую, статистическую реальность, реальность чиновника и исправительного учреждения и реальность, скрытую от поверхностного наблюдения, касающуюся повседневной жизни людей. Например, селение Александровское и

по количеству хозяйств, и по возрастному составу приближается к нормальной российской деревне. Однако сами же местные жители говорят, что хлебопашеством здесь не проживешь. Сенокосы и пахотная земля находится в пользовании лишь у некоторых хозяев, посторонних заработков нет никаких, ремеслами не занимаются. Чем же объясняется сравнительное благополучие этого селения? Официальных данных, которые бы объяснили, почему жители Александровского имеют исключительно хорошее экономическое положение, тоже нет.

Оказывается, благосостояние данного поселения держится исключительно на контрабанде спирта, поскольку на Сахалине строго запрещены его ввоз и продажа.

Пытаясь разобраться в запутанных условиях сахалинской жизни, Чехов приходит к парадоксальному выводу, что вся сложность сахалинской жизни проистекает из того, что в ней нарушен естественный ход вещей, что попытка устроить социальную жизнь в соответствии с желаниями социальных теоретиков приводит к катастрофическим последствиям и губительна для человека. “Если жизнь возникла и течет не обычным естественным порядком, а искусственно, и если рост ее зависит не столько от естественных и экономических условий, сколько от теорий и произвола отдельных лиц, то подобные случайности подчиняют ее себе существенно и неизбежно и становятся для этой искусственной жизни как бы законами” (14, 87).

Резюме для социологии

Исследователи-филологи, когда обращаются к анализу сахалинского периода жизни писателя, подчеркивают, что, создав такое произведение, как “Остров Сахалин”, Чехов очертил границы художественного мира, что увиденное и пережитое им в силу своей бесчеловечности и неизбывного трагизма как бы находится за пределами художественной прозы и не может стать сюжетом для рассказа или повести. Поэтому, прожив после путешествия на остров еще тринадцать лет и создав немало выдающихся художественных произведений, он практически нигде не использовал полученный опыт.

Однако социологическое знание живет по другим законам, и бесчеловечные, и ужасные формы жизни нуждаются в осмыслении. Чехов был первым писателем, который попытался увидеть в способе изоляции обществом своих членов, ключ к пониманию самого общества. И уже в XX веке (может быть, кому-то эта связь покажется искусственной) французские мыслители предложили классифицировать общество не по тому, “что” и “как” оно производит, и не по тому, какая в обществе культура и мораль, и не по тому, что оно о себе думает, а по тому, как оно наказывает, изолирует, избавляется от своих членов. М. Фуко выделил четыре типа обществ, используя в качестве критерия способы избавления обществ от своих сограждан: общество бойни и ритуальных убийств, общество ссылки, общество реабилитации и, наконец, наше современное общество — общество заключения.

Чехова интересует каторга как некая форма жизни общества в самом обществе. И главным в этой форме общества становится случайность, которая надевает на себя личину закономерности. Случайность — отнюдь не на удачу употребленное Чеховым слово, всякий раз, когда он пытается понять

основы экономической жизни колонии, оно появляется в чеховских текстах. Так, анализируя условия жизни в поселке Дербинское, Чехов пишет: “При попытке понять экономическое состояние дербинцев опять-таки наталкиваешься прежде всего на разные случайные обстоятельства, которые здесь играют такую же главную и подчиняющую роль, как и в других селениях Сахалина. И здесь естественные и экономические законы как бы уходят на задний план, уступая свое первенство таким случайностям, как, например, большее или меньшее количество неспособных к труду, больных, воров или бывших горожан, которые здесь занимаются хлебопашеством только поневоле; количество старожилов, близость тюрьмы, личность окружного начальника и т.д. — все это условия, которые могут меняться через каждые пять лет и даже чаще” (14, 151).

Формула сахалинской жизни “случайности становятся законами” является своеобразным приговором социальному экспериментированию, когда условиями рационально калькулируемого проекта становятся не подвижные отношения реальной жизни, а абстрактные представления об исправительной функции каторги, об абсолютных преимуществах сельскохозяйственного труда, выступающего в качестве главного средства, конституирующего социальную жизнь.

Пробыл Чехов на острове Сахалин три месяца и три дня, потом в течение шести лет работал над собранными материалами и в 1895 году издал книгу “Остров Сахалин”. В чеховских архивах сохранились карточки-анкеты: 7600 с лишним — в Российской государственной библиотеке (Москва) и 222 — в Центральном государственном архиве литературы и искусства (Москва).

Чехов не только всесторонне исследовал каторжный остров: состояние сельскохозяйственной колонии, виды принудительного труда, наказаний, пищу, гигиенические условия жилищ, официальную отчетность, но и создал точные художественные образы, чтобы передать выморочность и чудовищную тяжесть жизни в этом обществе.

“К мерному звону колоколов, шуму морского прибоя и гуденью телеграфных проволок скоро привыкает ухо, и от этих звуков впечатление мертвой тишины становится сильнее. Печать суровости лежит не на одних только полосатых столбах. Если бы на улице кто-нибудь невзначай засмеялся громко, то это прозвучало бы резко и неестественно. С самого основания Дуэ здешняя жизнь вылилась в форму, какую можно передать только в неумолимо жестоких, безнадежных звуках, и свирепый холодный ветер, который в зимние ночи дует с моря в расщелину, только один поет именно то, что нужно” (14, 132–133).